

До самого дна темноты

«Веселость нас никогда не покидала, — так Зощенко начал свою «Голубую книгу». — Вот уже пятнадцать лет мы, по мере своих сил, пишем смешные и забавные сочинения и своим смехом веселим многих граждан, желающих видеть в наших строчках именно то, что они желают видеть, а не что-нибудь серьезное, поучительное или досаждающее их жизни».

Конечно, Зощенко иронизировал. Он всю жизнь страдал тяжелой хандрой и меланхолией — и всю жизнь мечтал стать добрым, здоровым, открытым человеком. Он мучительно тосковал даже тогда, когда стал знаменитым писателем, а слава его была такова, что по стране ездили самозванцы-зощенки, обирая доверчивых граждан и охмуря доверчивых гражданок; те потом писали настоящему Зощенко письма, полные обиды и недоумения.

Читатели вообще много ему писали: просили совета, рассказывали о себе — а то и спрашивали, зачем жить. В «Возвращенной молодости» он приводит такое письмо от молодой девушки, которая перенесла множество тяжелых испытаний, утратила всякую радость жизни и размышляет, не застрелиться ли из наградного оружия. Чувства эти были очень знакомы Зощенко. Он написал девушке длинное сочувственное письмо, где убеждал ее лечиться от неврастения. Диагноза «депрессия» тогда не знали, а причиной хандры, тоски, ощущения тошноты от жизни считали неврастению — следствие психических травм, переутомления, нерациональной организации труда и отдыха. От неврастения лечили и самого Зощенко — вполне безуспешно.

Чуковский писал: «Хандра действительно была проклятием всей его жизни. Теперь, к середине тридцатых годов, он окончательно утвердился в той мысли, что она-то и мешает ему, писателю, изображать жизнь во всем ее блеске и что усилием воли он должен преодолеть эту хворь. Только тогда у него будет право на творчество».

«Право на творчество» — это были не пустые слова для Зощенко. Бенедикт Сарнов заметил однажды, что он считал себя «пролетарским писателем» и сознательно работал для читателя демократического, не очень

образованного — «дикого», по его собственному определению. Вдова Зощенко напомнила на его похоронах: он работал для народа.

Чтобы помочь массовому читателю, ему нужна была ясная душа и здоровая психика. Ведь для того, чтобы помочь читателю быть сильным, здоровым и добрым человеком, писатель должен сам таким стать. Зощенко пытался бороться со своей иронией, считая ее болезненным порождением хандры. Пробовал писать «добрые книги». Старался переделать себя, вылечиться от мизантропии, от мрачного восприятия жизни, от раздражительности — для того, чтобы его будущие книги стали полезными для читателя.

Чтобы найти путь к выздоровлению, Зощенко обложился трактатами по медицине, биологии, физиологии. Штудировал труды Фрейда и Ивана Павлова. Он верил, что для душевного здоровья нужна разумная организация жизни и выработка позитивного взгляда на мир. Свои заветные мысли он изложил в книге «Возвращенная молодость» — отчасти художественной, отчасти документальной. В основе книги — ироническая история немолодого профессора Волосатова, который прельстился юной соседкой, впал под ее влиянием в излишества, заработал инсульт, после чего привел свою жизнь в порядок и на самом деле помолодел. Но эту историю обрамляют авторские размышления о здоровом образе жизни и многочисленные примеры из биографий великих людей — как преждевременно сошедших в могилу, так и доживших до преклонных лет благодаря правильной организации жизни.

После того как «Возвращенная молодость» вышла в свет в 1933 году, всемирно известный физиолог Иван Павлов пригласил Зощенко на свои «среды» в Институте физиологии, где обсуждались научные достижения сотрудников института и новые публикации зарубежных коллег.

В середине тридцатых годов Зощенко в самом деле поверил, что вылечился. Он переключился на положительную работу для читателя и страны. Писал уже не сатирические рассказы, а книги, которые сам считал добрыми и полезными для читателя. Написал (идею подсказал Горький) историю человеческой морали — «Голубую книгу». Написал очерк «Черный принц» о водолазных экспедициях ЭПРОНа, книгу рассказов о Ленине для детей, огромную главу в книгу «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина», где рассказывалось о том,

как жулик и аферист перековался и стал настоящим советским человеком.

Его очень занимала идея перековки, преобразования человека. И он задумал новую книгу, «Ключи счастья», — о собственном преобращении из мрачного ипохондрика в живого и деятельного человека. Он даже заключил на нее договор в 1936 году.

Когда началась война, он сожалел, что не может пойти на фронт из-за порока сердца. Но он много работал: сочинил антифашистскую пьесу вместе с Евгением Шварцем, писал антифашистские рассказы, работал на радио, ночью дежурил на крыше: тушил зажигательные бомбы. Писательская организация настояла на его эвакуации в Алма-Ату; он мог взять с собой только 12 килограммов багажа — и он взял подготовительные материалы к «Ключам счастья»; для личных вещей осталось только 4 килограмма. В эвакуации ему пришлось очень тяжело — он едва не умер от голода. Но он продолжал работать, веря, что его работа над новой повестью о победе над мраком и тоской силой человеческого разума и воли станет его вкладом в победу над фашизмом: «Однако, почему же не пришло время взяться за эту мою работу? — как-то подумал я. — Ведь мои материалы говорят о торжестве человеческого разума, о науке, о прогрессе сознания. Моя работа опровергает «философию» фашизма, которая говорит, что сознание приносит людям неисчислимые беды, что человеческое счастье в возврате к варварству, к дикости, в отказе от цивилизации».

От названия «Ключи счастья» он отказался, и книга получила новое заглавие: «Перед восходом солнца». Она тоже состоит из двух частей: художественной и научно-популярной. Но теперь объектом исследования писателя становится его собственная душа: он ищет в ней источник страха перед жизнью, тревоги, нежелания жить. Это самостоятельная попытка психотерапии, основанная на психоанализе. В серии автобиографических новелл — строгих, печальных, написанных с замечательным мастерством, — Зощенко рассказывает о своих отношениях с жизнью и окружающими людьми, спускаясь все глубже в детство, в туман бессознательного, на самое дно темноты в поисках того самого травмирующего переживания, которое и внушило ему этот страх.

Журнал «Октябрь» в двух сдвоенных номерах за 1943 год опубликовал биографическую часть повести. Публикация

была немедленно прервана. Читатели не поняли и не приняли замысла Зощенко, сочли книгу «самокопанием», «выворачиванием души наизнанку», совершенно неуместным в дни ожесточенных боев, решающих судьбу страны. Сразу за этой публикацией последовали резкая критика в газете «Литература и искусство» и журнале ЦК ВКП(б) «Большевик», серия писательских выступлений, обвиняющих Зощенко в бытовательском, мелочном копании в ничтожных чувствах, когда народ воюет и помогает фронту. Критика чуть затихла к концу войны, и в апреле 1946 года Зощенко, как и другие писатели, был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Но через три месяца журнал «Звезда» перепечатал его детский рассказ «Приключения обезьяны», годом раньше опубликованный в «Мурзилке», и этот рассказ вызвал гнев Сталина: почему это обезьяне в клетке лучше, чем среди советских людей? Уже в августе 1946 года вышло печально известное постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», до конца жизни выбившее Зощенко из литературы. В нем среди прочего говорилось о «недостойном поведении его во время войны, когда Зощенко, ничем не помогая советскому народу в его борьбе против немецких захватчиков, написал такую омерзительную вещь, как «Перед восходом солнца»...»

Андрей Жданов, секретарь ЦК ВКП(б), в своем докладе, комментирующем постановление ЦК, заявил, что Зощенко во время войны «окопался в тылу», что он в своей повести «Перед восходом солнца» «выворачивает наизнанку свою пошлую и низкую душонку, делая это с наслаждением, со смакованием, с желанием показать всем: смотрите, вот какой я хулиган». Сам Сталин обрушился на писателя: «Не обществу перестраиваться по Зощенко, а ему надо перестроиться. А не перестроится, пусть убирается к чертям».

Немолодой и тяжело больной писатель был ошельмован, оскорблен, изгнан из литературы, лишен возможности зарабатывать на жизнь; друзья и коллеги перестали с ним здороваться. В последние годы жизни он подрабатывал переводами.

В 1957 году, после XX съезда КПСС, положившего начало «оттепели», Госиздат опубликовал книгу рассказов Зощенко, затем вторую. Писатель вернулся в литературу — и это разволновало его, разбередило незажившую рану. Константин Федин, давний друг Зощенко, а в эти годы председатель

правления Московского отделения Союза писателей, посвятил новым книгам Зощенко доброжелательную критическую статью. Зощенко в письме спрашивал Федина: «Неужели надо будет опять взвалить на свои плечи тот груз, от которого я чуть не сдох? А ради чего? И сам не знаю. Мне-то какое собачье дело до того — какое будет впредь человечество. Много было во мне дурости. За что и наказан».

Он уже не мог писать. Почти не ел. Вдова его говорила: он умер, потому что не хотел жить. Писатель Л. Пантелеев вспоминал, что в гробу Зощенко улыбался.

Повесть «Перед восходом солнца» была впервые полностью опубликована только через тридцать лет после его смерти.

Сейчас наука, вероятно, знает о причинах тоски и меланхолии больше, чем в зощенковские времена. Но история отчаянной борьбы человека с обступающим мраком — это вечная история. И попытка большого писателя без страха посмотреть в глаза своей душевной боли и одолеть ее силой характера — попытка отчаянная, может быть обреченная, но прекрасная по замыслу и замечательная по исполнению.

Ирина Лукьянова

*Возвращенная
молодость*

1. Автор приносит свои извинения

Это есть повесть о том, как один советский человек, обремененный годами, болезнями и меланхолией, захотел вернуть свою утраченную молодость. И что же? Он вернул ее простым, но все же удивительным способом.

Человек вернул свою потерянную молодость! Факт, достойный оглашения в печати. Тем не менее не без робости автор приступает к этому сочинению. Обиды и огорчения принесет, вероятно, нам эта книга.

Ах, мы тревожимся в особенности за одну категорию людей, за группу лиц, так сказать, причастных к медицине.

Эти лица, ну там, скажем, врачи, фельдшера, лекарские помощники, работники «скорой помощи», а также, ну, скажем, заведующие аптеками с ихними женами, родственниками, знакомыми и соседями, лица эти, увидав книгу, содержание которой поначалу несколько напомнит им ихнюю профессию, лица эти, несомненно, отрицательно, а может быть, даже и враждебно отнесутся к нашему сочинению.

Этих лиц автор покорнейше просит посписходительней отнестись к нашему труду. Автор, в свою очередь, тоже обещает им быть снисходительным, если ему случится читать повести или там, скажем, рассказы, написанные врачом, или родственником этого врача, или даже его соседом.

Автор просит у этих лиц извинения за то, что он, работая в своем деле, мимоходом и, так сказать, как свинья, забрел в чужой огород, наследил, быть может, натоптал и, чего доброго, сожрал чужую брюкву.

2. Некоторая необычайность нашего сочинения

Наша повесть на этот раз мало похожа на обычные литературные вещицы. Она мало также похожа и на наши прежние художественные вещицы, написанные наивной, грубоватой рукой в спехе нашей молодости и легкомыслия.

Нет, с одной стороны, это сочинение тоже можно будет назвать художественным. Тут будет и художественное описание картин нашей северной природы, описание бережков, ручейков и опушек леса. Тут будет интересный и даже занимательный сюжет. Тут будут разные сложные и сердечные переживания героев, а также рассуждения и добровольные высказывания этих героев о пользе текущей политики, о мировоззрении, о перестройке характеров и о славных грядущих днях.

Здесь будет все, чего ждет читатель от книги, которую он взял почитать вечером, чтобы рассеять свои дневные заботы и чтоб окунуться в чужую жизнь, в чужие переживания и в чужие помыслы.

Но это только с одной стороны. А с другой стороны, наша книга — нечто совершенно иное. Это такое, что ли, научное сочинение, научный труд, изложенный, правда, простым, отчасти бестолковым бытовым языком, доступным в силу знакомых сочетаний самым разнообразным слоям населения, не имеющим ни научной подготовки, ни смелости или желания узнать, что творится за всей поверхностью жизни.

В этой книге будут затронуты вопросы сложные и даже отчасти чересчур сложные, отдаленные от литературы и непривычные для рук писателя.

Такие вопросы, как, например, поиски потерянной молодости, возвращение здоровья, свежести чувств, и так далее, и тому подобное, и прочее. А также будут затронуты вопросы о переустройстве всей нашей жизни и о возможностях этого переустройства, о капитализме и о социализме и о выработке мировоззрения. А кроме того, мы коснемся и других, не менее важных вопросов, взятых в самом их наивысшем значении и в свете текущих дней.

3. На что похоже наше сочинение

Ну, если это и не научный труд, если, скажем, Академия наук или там, скажем, секция научных работников, согласовавшись с горкомом и Союзом писателей, не найдет здесь признаков научного сочинения или найдет эти признаки, но не сосчитает автора в достаточной степени овладевшим марксистско-ленинским мировоззрением,

то в таком случае эту книгу можно будет обозначить более средним, более, так сказать, безобидным названием, не раздражающим зрения и слуха отдельных граждан и организаций.

Пусть эта книга называется, ну, скажем, культур-фильм. Пусть это будет такой, что ли, культур-фильм, вроде как у нас бывали на экране: «Аборт», или там «Отчего идет дождь», или «Каким образом делают шелковые чулки», или, наконец, «Чем отличается человек от бобра». Такие бывают фильмы на крупные современные научные и производственные темы, достойные изучения.

Так же, как и в этих фильмах, сначала у нас будет идти научное рассуждение с разными сносками, справками о том о сем, с разными комментариями и, может быть, даже диаграммами и статьями, окончательно разъясняющими суть дела.

И уже только потом читатель, слегка утомленный и пришибленный чужими мыслями, получит порцию занимательного чтения, которое и явится вроде как бы наглядной иллюстрацией к вышеизложенным мыслям и рассуждениям.

Конечно, умы нетерпеливые, не привыкшие идти на поводу, а также умы, ну, скажем, негибкие, грубоватые или, что ли, низменные, не имеющие особого интереса к различным явлениям природы, кроме выдачи продуктов питания, — эти умы могут, конечно, отбросить начало и комментарии, с тем чтобы сразу приступить к инцидентам и происшествиям и сразу, так сказать, получить порцию занимательного чтения.

В таком случае они без ущерба для себя прочтут, начиная с 17-й главы, правдивую повесть об удивительной жизни одного человека, который в наши реальные дни, в дни, так сказать, торжества материализма и физиологических основ, возвратил свою молодость и тем самым имел смелость и счастье соперничать в умении с самой природой или, как до революции говорили, с самим Господом Богом.

4. Любовь автора к медицине

Конечно, автор принужден сказать, что он человек, ну, что ли, невежественный в вопросах медицины. Не то чтобы невежественный, ну, не совсем, что ли, на все ноги подкованный, не совсем, что ли, разбирающийся в отдельных мелких, разнообразных и часто ужасно запутанных деталях этой науки. Тем не менее, по ходу повести, автор принужден будет затрагивать кой-какие передовые медицинские